

* * *
Листва всё больше опадает, —
и вот в прогалах меж ветвей
уже — и неба даль сияет,
и кладка здания видней.

Деревья словно расступились
пред зорким взглядом широко,
и задышалось без усилий
озоном волглым глубоко.

Чужое, горькое сомнение:
жить или не жить — пропало вдруг.
И лишь святое вдохновение
в душе встаёт сильнее мук.

О жизнь, исполненная воли,
ты сердцу страшно дорога,
хотя порой из бездны боли
зрю на тебя, — как на врага...

Мой горный путь

На рассвете пгичём, по дороге,
как бы уходящей в небеса,
о камня в кровь сбивая ноги,
я уже взбираюсь три часа.

От нагрузки громыхает сердце
рёбра прогибаются, скрипят,
и от пота никуда не деться,
ну, совсем солёный водопад!

Не прогулку я себе устроил,
а проверку на излом и боль,
чтоб ещё полней душой усвоил,
в чём успеха жизненного соль...

А иначе — от судьбы ударов
лишь по-бабьи слёзы злые лить...
Я хочу — любить заветно, с жаром,
я хочу — истоком света быть!

Был бы я не против потягаться
и со смертью лютую в горах...
А что делать остаётся, братцы,
ежели не ведом сердцу страх?!

И настанет время, потягаюсь,
может, даже вот у этих скал...
А пока всё выше поднимаюсь,
словно счастье в небе потерял.

Русский стяг

Ура! моя жизнь, словно птица,
под небом гнездо своё вьёт.
И всё же хочу раствориться
в заветных стихах наперёд...

Мне — гению солнечной воли —
назначено — свьше — опять
до счастья, до грусти, до боли
бессмертную русскость познать.

Предвижу, как звонят иуды,
набросая враз — на меня,
тем боле, что я сердцем буду
пылать в сто раз жарче огня...

Ну что же — я сам выбрал жребий
изгоем в стране своей быть,
чтоб чести своей на потребу —
врагов вечной жизни крушить.

Но я — не солдат, а с рождения
тот пахарь, — кому на веку
случилось в святой надежде,
вести — бороздою — строку...

Она — моя сабля и — пуля,
и это, вот крест, — не пустяк,
ведь я — в грозном карауле, —
и с нами навек русский стяг!

* * *
На светозносом, вечном рубеже,
где горе горькое — не редко,
вдруг что-то дрогнуло в душе
и обломилось, словно ветка.

А был всего-то нежный взгляд,
но прямо в сердце обращённый!
Вернуть бы враз его назад, —
и дальше жизнь ковать прощёно.

Но нет сполна на это сил,
и на любовь мне не ответить,
но счастье я не раз хранил
всей честной памятью поэта.

А мне она кричит: «Не смей
забыть, предать или оторгнуть
всё то, чем в звонком беге днй
взрывало душу до восторга!...»

Что будет дальше, неизвестно...
Но, остро ощущая грусть,
и сам себя даже в песне,
ну, хоть убей меня, — боюсь...

* * *
Откуда ты — взялась?
Зачем, зачем — явилась?
А может, просто лишь
нечаянно приснилась?
Неважно, — ибо я уже
невиданно люблю
да сильно так, что о тебе одной пою
на страстном выдохе пылающей души
и в громе яростном, и в заревой тиши.

А я ведь несвободен, — как канатом,
повязан напрочь
заклинаем святым —
жить с женщиной другой
до крайних дней.
Его нарушить, — значит жизнью всей
как будто опуститься
в мрак крошечный,
и навсегда —
остаться в бездне грешной...

Вот и попал я в сети, словно роком
расставленные, то есть счастье боком
мне вышло... А за что?
Когда бы знал...

Но пусть в глазах проклятых
злыхыхал
я буду подлецом
в сей жизни сумасшедшей,
но не посмею жить в любви
навек сторевшей...

* * *
На сердце то радость, то грусть,
как будто я жизнью, как куст
ветрами, размётан неожиданно.
Но в страсти любви ликовать
я жажду и жажду — опять,
пусть даже немного обманно...

И значит, сегодня, как прежде,
исполнен бессмертной надежды,
что молодость мне по плечу —
вот я и живу с вечной силой,
как будто душой быстрокрылой
аж к солнцу бесстрашно лечу.

А то, что порой настроенье
меняется вдруг без сомненья,
мне лишь говорит об одном:
я прежде, чем делом заняться,
его обмозгу раз двадцать,
чтоб точно исполнить с добром.

И значит, на времени склоне,
плевать, что порой сердце стонет
и плачет надрынно в груди —
я в деле живом торжествую,
и в страсти любовной ликую,
как будто — вся жизнь впереди.

* * *
Всё сырей и прохладней утрами,
что ни думай, а осень пришла,
свет-берёзы и клёны кострами
золотистыми жадно зажгла.

Но как скоро опали вдруг листья,
возвращая вновь в чувство того,
что на свете, то ярком, то мглистом,
человек смертен, прежде всего...

Загрустилось, ох, как загрустилось,
хоть рыдай удручённой душой.
Словно что-то такое приснилось,
отчего — невозможен покой.

Но желанье любить вдохновенно
и надежда на звонкую жизнь —
пересилили грусть постепенно —
и глаза ясным счастьем зажглись.

* * *
Сегодня морю — не до шуток...
Как будто осерчал на твердь,
оно вздымает волны круто
и бьёт о скалы злей, чем смерть.

Удар! — и брызги выше неба.
Удар! — и грохот гасит слух.
Такого проявленья — гнева
ни видел я с времён разлук...

Не видел... Потому скорее
в байдарку прыгну — и дайвай
гresti всё чаще, всё сильнее,
как будто там, за морем — рай.

Но рая мне не надо прежде,
чем справлюсь с садом на земле...
И воли свет в святой надежде,
и свет кипящий — на весле...

* * *
Самолёт стремглав разбежался
и в бездонное небо — взлетел.
Зря я с милою распрощался,
словно жить совсем расхотел.

Но лечу, лечу, слава Богу,
за бортом плывут облака
отлучей золотые — сбоку,
как якутской тундры снега.

В турбулентность вошли — и тотчас
запрысло-то как, твою мать!
Словно я по ухабам и кочкам
на телеге — качусь опять.

И пускай трясёт! Лишь бы крылья
не рассыпались, лишь бы мотор
не заглох, из последних усилий
уноса самолёт в простор...

И, конечно, совсем напрасно
мой сосед побелел лицом.
Понимаю, что сердцу страшно,
но пока ведь не пред концом.

Чтоб помочь ему словом в деле,
говорю: «Хорошо летим, —
вот уже и Донбасс пролетели,
недалёк и родимый Крым...»

* * *
В жизни печально утрюмой,
в смерти невиданно злой, —
знаешь, я даже не думал,
что буду счастлив с тобой.

Сколько их было да сплывало
женщин красивых весьма...
Но ты одна взгляд пленила,
лишь от тебя — без ума!

Что мне безумье?! Я верю
в страсть, озарившую кровь.
Верю, — что вечные двери
жизнь распахнёт вновь и вновь.

Но каждый раз возвращаться
буду в твой дивный рассвет,
и нам не надо прощаться,
сколько б ни прожито лет...

Знать это — быть человеком
даже в круту — нелюдей,
душу спастись с первым снегом,
чистой красой — лебедей!

Пусть зреет слово литое, —
хватит в душе — серебра...
Пусть в жизни нету покоя!
Пусть в смерти нету добра!..

* * *
Раскалённое солнце ещё не вернулось
из яростного набега,
красными языками
продолжает лизать бирюзовое небо,
редко когда выражающее приступы
дикого гнева, —
в основном пребывающее
в покое, любви и неге.

Где-то на горных склонах ясно звучат
медные колокольца —
это вожак баранье стадо ведут
по извилистым тропам.
Представлю, как они опасны —
и душу рубит, как лопасть,
тревога за бедных животных, —
и хочется разрыдаться...

Только креплось — и не зря! —
вдруг слышу нежное пение
доносящееся ко мне
из большого оливкового сада —
и тотчас сполна вспоминается
есенинская Шахерезада
и сам поэт, для которого жизнь
до конца была упоением.

Но я — птица другого полёта,
и мне досталась иная участь...
А может, та же, только оттянутая
стальной волей.
На свете всё великое рождается
в невиданных болях —
вот оттого почти не страшно,
что умру я, адову мучась.

Но покамест живою, — цикадам,
что трещат без умолку,
а кому ещё, если вокруг давно
ни души не осталось,
прочту стихотворение,
где горькая-горькая старость
ежели вдруг и наярнет,
то, верю, нескоро и втихомолку...

* * *
На небе дымчатом — ни тучки,
в лесу сквозном — ни ветерка...
и птицы смолкли, как в отлучке
из дней осенних на века.

И свежий воздух, хоть и пахнет
в кострах горящего листвы,
вдыхаю так, что я распахнул
навстречу жизни всей душой.

И грусть, что тяжело томила,
и боль, что мучила до слёз —
всё от меня вдруг отступило,
как растворилось в ливнях гроз.

И может, завтра не сумею
жить вдохновенней и смелей,
ведь я земной предел имею
не только сил, но и страстей...

Увы!.. Не стану я героем,
лишённый — света и тепла...
Но душу смерть не успокоит,
какой бы страшной ни была!

* * *
Задело! Значит не по делу
вновь обожгла твоя обида.
И всё-таки замечу смело,
что я любил, а ненавидал.

Впрям не пытаюсь оправдаться,
тем боле незачем от века.
Но я хочу навек остаться
завидно честным человеком.

Кто в жизни умер, в смерти выжил,
и в вечность заглянул без страха,
по светлостому велению свьше, —
с душой певучей, словно птаха.

А ты в невиданной гордыне —
на что без смысла тратишь силы?
Живи и дальше, как в пустыне,
в себя влюбляясь до могилы.

Всё нипочём в порыве гнева
иль жгучей ревности — и только!
Ещё не раз, душою с неба
срываясь, порываешь горько.

Но это будет справедливо,
что там ни говори в печали.
И нечего смотреть тоскливо
в мои глаза — они завьяли...

* * *
Петлю на шею затянул потуже
с табурета смело вниз шагнул.
В глазах огнём взметнулся ужас
и по ушам — пронёсся гул...

И тьма, как камень, навалилась
со всех сторон, вернее, смерть,
явившись, жизнь освободила
от боли, что нельзя терпеть.

Как зло!.. А может быть иначе,
когда утром — грянет рок?!
Да запросто, — коль на удачу
нажать бесстрашно — на курок...

* * *
Луна... чуть-чуть — левой
две звёздочки-светлилки,
как в голубых косынках,
пылают всё сильней.

Пропитан воздух йодом,
как майский снег
серебряный в звенящих золотых лучах.

Иван ПЕРЕВЕРЗИН

Листва всё больше опадает...

И всюду только жизнь,
а смерть сдыхает в родах...

* * *
Вновь звон-душа моя оттаяла,
и ты бессмертной красотой
себе спасенья не оставила
от страсти жгучей, огневой.

Едва войду в тебя, мы станем
единым взрывом чувств святых,
ничем надежды не обманем
желаний солнечных своих.

И что нам время с тёмной смертью,
когда в любви нам равных нет?
Тревоги чашные под твердью
небесной, породившей свет...

Над всею этой жизнью-драмой,
сугаром, грохотом, тоской,
как клятва, прозвенит упрямо:
о Боже, я — твоя, ты — мой!

* * *
Сутра пораньше — сколько можно
синичьим пеньем душу рвать!
Будто весной — неосторожно
по льду ослабшему ступать...

Так сам запой — какое дело!
Ведь клин, в деревне говорят,
лишь клином вышибают смело...
И вновь кладут — за рядом — ряд...

* * *
Не янчи смерть в своей душе,
как манны, счастья поджидая.
И если есть жизнь вообще,
она проявится без края...

Неважно — с сетью рыбака
на речке, полною тайменя,
иль в песне долгой, как река,
чья красота благословенна.

А боль, а мука, а печаль —
а в даль летящая дорога?..
Но коли в них себя лишь жаль,
то не познаешь милость Бога.

Ты без неё не пропадёшь,
но к счастью только через горе
как будто временно придёшь
да и уйдёшь обратно вскоре.

Такой расклад на смерть и жизнь,
другого нету и не будет.
И переменны даль и близь,
но жаль, не переменны люди...

* * *
Мы молоды, но духом, а не телом,
и это — что ни говори — печаль.
Как будто речка напрочь обмелела
и про неё — навек забыла даль...

И осень сердце шлещет листобоем,
и время быстрым соколом летит...
Но всё же нас, родная, нынче двое
и наш закат вдвойне сильней горит!

* * *
Истаивает жизнь моя,
как майский снег
серебряный в звенящих золотых лучах.

Но не терзает душу
беспощадный страх
пред смертью,
что готовит страшный век.

Надеюсь на бессмертье? Да несколько!
Мне просто стало скучно воевать
за то, чтоб сердцу
вновь и вновь стучать,
чтоб взгляд не застыло
болью колкой.

Да и потом — на этом свете грешном
уже я совершил столь славных дел!
И буду рад, коль кто-нибудь,
высок и смел,
за мной наполнит дали
светом вешним.

Но до тех пор, покамест взор пылает,
до дней последних остаюсь бойцом —
отечества, как ни печально в нём, —
где даже смерть — о смерти забывает...

* * *
Мне снятся бабы по ночам,
как будто солнечно и верно
я их не видел, что не скажешь,
не целовал самозабвенно.

О, плоть мужская, ты с душой
несколько не сдаться высоты,
с которых рвёшься в непокой
и нет безудержной полёта!

В нём и надежда, и тоска
и песня, что ещё не спета,
и жизни праведной река,
текущая упрямо — к свету.

Но это неспроста, а чтоб
ещё сильней любил я небо
с землёй, заветною по гроб,
с мечтой, навек лишённой гнева.

И на душе звенящий зов
всего, что помнится в покое,
бело ли поле — от снегов,
цветёт ли солнце золотое.

Мне снится по ночам любовь
и очень хорошо, что снится.
Ещё вовсю пылают кровь —
и страсти нечего томиться...

* * *
По лесам да по отрогам
вновь бреду — по воле Бога,
и не знаю путь конечный...
Может, — это будет нива,
иль ручей нетерпеливый, —
всё навек приму сердечно.

Нива под синичьи трели,
мне заботливо постелет
из духмяных трав постель.
Мол, приляг и отдохни-ка...
Голоден? Вот земляника —
у пенёк спелей, чем хмель.

А ручей не хуже пташки
напоёт мне про ромашки,
что вокруг цветут бело.
И по-дружески всё скажет
мне о той, что солнца краше,
но ревнива, — как назло.

Только что я о печальном,
будто этот день прощальный
завтра — уезжать домой...
Пусть душа моя сегодня
не тоскует — о свободе —
и летит вслед за мечтой.

Я беспредельно то мрачен, то весел, —
хочется плакать от радостных песен.
Раньше мог за день
свершить три работы,
ну а теперь лишь страдаю до пота.

Может, и впрямь для меня всё земное
кончилось напрочь и в стуже,
и в зное?
Ежели так, — то куда смерть взирает,
словно во мне про себя — забывает?..
Бред я несую! Потому с вещей силой
к смерти своей обращаюсь,
как к милой:

«Можешь прийти,
я готов в полной мере,
сам предтобою открою все двери...»
Но спохватился — а что же я, что же
духом так пал,
стал на труса похожий!
Жизнь хуже смерти?
Но всё-таки жизнь!
Богом — дана! За неё — и держись!

* * *
Мы вновь не поняли, — как оба
несдержанными напрочь стали.

